

*Посвящается Дэвиду,
который дал мне первое семечко,
И Майку,
который помог вырастить из него целый мир.
А также трем отцам Кирина:
Стиву, Кэту и Патрику.
Без вас он бы стал совсем другим.*

Ваше величество!

К данному письму я прилагаю полное описание происшествий, которые привели к пожару, уничтожившему столицу. Первая часть в значительной мере основана на расшифровке разговора между двумя лицами, сыгравшими одни из ключевых ролей в данных событиях; другие части представляют собой мою попытку восстановить хронику событий. Там, где это возможно, я использовал показания свидетелей, а когда я был вынужден прибегать к догадкам, то старался придерживаться общего духа этой истории. Текст я снабдил примечаниями и аналитическими замечками, которые, я надеюсь, окажутся для вас полезными.

В тех случаях, когда я буду поучать вас по тем предметам, о которых вы знаете больше, чем я, молю вас – наберитесь терпения. После долгих раздумий я решил, что лучше исходить из вашего неведения, чем из вашего всезнания.

Я надеюсь, что если у вас будет как можно более полная картина данных событий, вы проявите снисхождение к лорду-наследнику; члены Совета, которые рекомендуют обвинить его в измене и казнить, определенно не знают всей истории в целом.

*Ваш верный слуга,
Турвишар де Лор*

ЧАСТЬ I

ДИАЛОГ МЕЖДУ ТЮРЕМЩИЦЕЙ И ЗАКЛЮЧЕННЫМ

— Расскажи мне историю.

Чудовище присело у железной решетки тюремной камеры Кирина, положило на пол невзрачный камешек и подтолкнуло его вперед.

Коготь была похожа на монстра. Она выглядела как девушка лет двадцати с небольшим — пшенично-золотистая кожа, мягкие каштановые волосы. Большинство мужчин пожертвовали бы своими клыками за один вечер с такой красавицей. *Большинство* мужчин не знали о ее способности превращать свое тело в формы, сотканые из чистого ужаса. Прежде чем сожрать свои жертвы, она издевалась над ними, принимая обличье их убитых родственников и возлюбленных. Поручить ей охранять Кирина — все равно что приказать акуле сторожить аквариум с рыбами.

— Да ты шутишь. — Кирин поднял голову и посмотрел на нее.

Длинным черным ногтем Коготь поковыряла каменную стену у себя за спиной.

— Мне скучно.

— Свяжи что-нибудь. — Юноша встал и подошел к решетке. — Ну или помоги мне сбежать.

Коготь наклонилась вперед.

— О, любимый, я не могу, ты же знаешь. Но мы же так давно с тобой не разговаривали. Нам о многом нужно друг другу поведать, а ведь они еще тысячу лет будут готовиться. Расскажи мне обо всем, что с тобой произошло. Так мы скоротаем время, пока твой брат не придет тебя убивать.

— Нет.

Он поискал, за что бы зацепиться взглядом, но вокруг были только голые стены без окон. Единственным источни-

ком света служила волшебная лампа, висевшая за пределами камеры. Кирин не мог воспользоваться ею, чтобы развести огонь. Он бы с удовольствием поджег соломенную подстилку — если бы ему ее выдали.

— А тебе разве не скучно? — спросила Коготь.

Кирин прервал свои поиски скрытого тоннеля, по которому он мог бы сбежать.

— Когда они вернуться, то принесут меня в жертву демону. Так что нет, мне не скучно.

Он снова обвел взглядом камеру.

Кирин мог бы воспользоваться магией, изменить *тенью* прутьев решетки и стены, и тогда железо станет мягким, а камни хрупкими, словно сухая трава. Но за каждым его движением следит Коготь. Хуже того, она способна вырвать мысли о побеге из его сознания, как только они появятся.

И она никогда не спит.

— Но зато я *ем*, — сказала она, отвечая на его мысли. Ее глаза сверкнули. — Особенно когда мне скучно.

Кирин закатил глаза.

— Ты меня не убьешь. Эта честь принадлежит кому-то другому.

— Я не считаю это убийством. Напротив, тем самым я тебя спасу. Твоя личность останется со мной навсегда, вместе с...

— Прекрати.

Коготь надулась и принялась с преувеличенной тщательностью разглядывать свои когти.

— Если ты можешь читать мои мысли, то мои рассказы тебе не нужны. Забери у меня мои воспоминания — так же, как отняла все остальное.

Она снова встала.

— Мне скучно. Кроме того, я не отняла у тебя все. Я не отняла у тебя всех твоих друзей. Не отняла у тебя родителей. — Коготь помолчала. — По крайней мере, твоих настоящих родителей.

Кирин молча уставился на нее.

Она рассмеялась и откинулась назад.

— Значит, я должна уйти? Если не расскажешь мне историю, тогда, пожалуй, я загляну к твоему отцу и матери. Уж *они-то* меня порадуют. Хотя им самим будет не так уж весело.

— Ты не посмеешь.

— А кто меня остановит? На твоих родителей им плевать. Они думают только о своем жалком плане, а твоему отцу и матери в нем места нет.

— Ты не...

— О да, еще как, — зарычала Коготь. Голос у нее был пронзительный, совсем не похожий на человеческий. — Играй по моим правилам, ясноглазый, иначе я вернусь, надев на себя кожу твоей матери и подпоясавшись кишками твоего отца. Я буду показывать тебе, как они умирали, снова и снова, пока не придет твой брат.

Содрогнувшись, Кирин отвернулся и зашагал по камере. Он взглянул на пустое ведро и на тонкое одеяло в углу комнаты. Он внимательно изучил железные прутья решетки и замок. Он даже проверил — вдруг его похитители хоть что-нибудь пропустили, когда отняли у него оружие, отмычки, перстень с печаткой и талисманы. Они оставили только ожерелье, на которое им было плевать, — ожерелье, которое стоило целое состояние.

— Ну, если так, разве я могу отказаться? — сказал Кирин.

Коготь сложила ладони перед лицом и тихо хлопнула от восхищения.

— Чудесно. — Она бросила ему камешек — тот самый, который ранее положила на пол между ними.

Кирин поймал его.

— Что это?

— Камень.

— Коготь...

— Это *волшебный* камень, — сказала она. — Только не говори, что человек, оказавшийся в твоём положении, не верит в волшебные камни.

Нахмуясь, он снова осмотрел камень.

— Кто-то изменил его *тень*.

— Волшебный. Камень.

— А для чего вообще он нужен?

— Он *слушает*. Поскольку историю рассказываешь ты, он должен быть у тебя в руках. Такие правила. — Она ухмыльнулась. — Начинай с самого с начала.

1: АУКЦИОН ПО ПРОДАЖЕ РАБОВ

(Рассказ Кирина)

Когда меня вывели на помост, чтобы продать с аукциона, я оглядел толпу и подумал: «Мне бы нож, тогда я бы вас всех зарезал».

«Если бы не был голым», — поправил я сам себя.

И если бы на мне не было оков. Я никогда еще не чувствовал себя таким незащищенным, и...

*Что? Коготь, тебе кажется, что это не начало?*¹

А что ты вообще понимаешь под словом «начало»? Чье начало? Мое? Я не очень хорошо его помню. Коготь, тебе несколько тысяч лет, и ты накопила воспоминания такого же числа людей. Ты хотела послушать эту историю. И ты ее услышишь — но на моих условиях.

Давай начнем заново.

Над амфитеатром гремел голос аукциониста:

— Шестой лот за сегодняшнее утро — великолепный экземпляр. Сколько вы готовы заплатить за этого человека, долтарца-мужчину?² Он — обученный музыкант и прекрасно поет. Ему всего шестнадцать лет. Взгляните на эти золотистые волосы, на эти голубые глаза, на это красивое лицо. Возможно, в его жилах течет кровь ванэ! Он принесет пользу в любом хозяйстве, но, дамы и господа, он не оскотен, так что не поручайте ему охранять ваш гарем! — Лукаво улыбаясь, аукционист помахал пальцем. В ответ в толпе кто-то вяло усмехнулся. — Начальная цена — десять тысяч ордов.

Несколько зрителей фыркнули.

Цена была слишком высока.

В тот день я совсем не был похож на сокровище. Работорговцы из Кишна-Фарриги помыли меня, но из-за этого яркие красные полосы на моей спине — следы бича — стали лишь заметнее.

Под медными браслетами на запястьях виднелись язвы — напоминание о нескольких месяцах, которые я провел в цепях. Из раздувшихся волдырей на левой лодыжке тек гной. Мое

¹ Похоже, что Коготь не солгала насчет «волшебного камня», ведь он действительно записывает слова того, в чьих руках находится. Я мог бы придумать реплики второго участника диалога, но его смысл вполне ясен из контекста, и поэтому я оставил все как есть.

² Я видел рабов-долтарцев и поэтому могу лишь предположить, что аукционист был слеп. С другой стороны, возможно, что добропорядочные жители Кишна-Фарриги научились беспрекословно принимать на веру описания, которые работорговцы дают рабам.

тело было покрыто синяками и рубцами — признаками непокорного раба. Меня трясло от голода и усиливающейся лихорадки. Десяти тысячи ордов я не стоил. Я не стоил и сотни ордов.

Если честно, то даже я сам не захотел бы себя купить.

— Не надо так, хорошие люди! Да, я знаю, как он выглядит, но, уверяю вас, он — неограниченный алмаз: отполируйте его, и он засверкает. Никакого беспокойства он не причинит: видите, у меня его гаэш! Неужели никто здесь не заплатит десять тысяч ордов за гаэш красивого молодого раба? — Аукционист вытянул руку, демонстрируя почерневшую серебряную цепочку; на ней в лучах солнца блеснул какой-то предмет.

Толпа не могла толком его разглядеть, но я знал, что это серебряный сокол, почерневший от соленого воздуха. Часть моей души, заключенная в металл: мой гаэш.

Аукционист был прав: бунтовать я больше не буду. Никогда. Власть, которую гаэш давал над рабом, была столь же эффективной, сколь и ужасной. Какая-то ведьма призвала демона, и этот демон оторвал частицу моей души и перенес в дешевый сувенир для туристов, который аукционист сейчас держал в руке. Любой, кто заполучил бы этот проклятый гаэш, мог повелевать мной, как ему заблагорассудится. Я выполнил бы любой приказ, отданный владельцем моего гаэша, даже самый сомнительный и чудовищный.

Покорись или умри. Выбора у меня не было.

Возможно, мое тело и не обладало особой ценностью, но в Кишна-Фарриге десять тысяч ордов — обычная цена за душу человека.

Толпа зашевелилась; я предстал перед ней в новом свете. Юноша-смутьян — это одно. Юноша-смутьян, вылеченный, натертый благовониями и готовый выполнить любой каприз владельца — это совсем другое. Я содрогнулся — и совсем не из-за теплого ветерка, от которого по коже бежали мурашки.

Этот день идеально подходил для продажи рабов с аукциона — если, конечно, вам нравятся подобные развлечения.

Погода была жаркой и солнечной, и в воздухе пахло выловленной в гавани рыбой. Покупатели, удобно расположившиеся на мягких сиденьях, прятались под бумажными зонтиками и холщовыми навесами.

Кишна-Фаррига входило в число Свободных Государств — пограничных городов, которые не были связаны вассальны-

ми обязательствами со своими соседями и лавировали в соответствии с меняющейся политической обстановкой¹, чтобы сохранить независимость.

Для тех стран, которые не хотели вести дела друг с другом, Кишна-Фаррига представляла собой перевалочный пункт на полпути и склад товаров — например, таких рабов, как я.

Лично я привык к невольничьим рынкам Куурского Восьмиугольника с его бесконечными лабиринтами личных покоев и аукционных домов, но в Кишна-Фарриге все было гораздо проще: рассчитанный на три тысячи человек каменный амфитеатр под открытым небом, построенный рядом со знаменитой гаванью. За один и тот же день раб мог прибыть в город на корабле, посидеть в одной из камер, расположенных под амфитеатром, и уехать вместе с новым хозяином — так и не избавившись от всепроникающего запаха тухлой рыбы.

Все это было весьма очаровательно.

Аукционист продолжил свою речь:

— Кто даст десять тысяч?

Получив заверения в том, что я не опасен, одетая в бархат женщина, принадлежавшая к совершенно очевидной профессии, подняла руку. Я сморщился. Мне совсем не хотелось снова оказаться в борделе, но я боялся, что именно это и произойдет. Меня нельзя было назвать уродливым, а среди людей, которым по карману раб с гаэшем, мало тех, у кого нет способов возместить свои расходы.

— Десять тысяч. Отлично. Кто даст пятнадцать тысяч?

Толстый богатый торговец во втором ряду бросил на меня плотоядный взгляд и поднял красный флажок, заявляя о своем интересе. Если честно, то, заметив его, я бы сам поднял красный флаг — сигнал опасности. Какой бы ни была моя ценность, жизнь на службе у него будет не лучше, чем в борделе, а то и хуже.

¹ Существует великое множество теорий о том, что Свободные Государства являются чьими-то вассалами. Так, долтарцы верят, что Свободные Государства заодно с манолами, манолы убеждены, что Свободные Государства — союзники Жериаса, а Куур, разумеется, полагает, что они — долтарцы и потому находятся под защитой манолов. Если когда-либо начнется крупномасштабная война, то, боюсь, судьба жителей Свободных Государств, которые окажутся между двух огней, будет незавидной.

— Пятнадцать тысяч? Кто даст двадцать тысяч?

Руку поднял мужчина в первом ряду.

— Двадцать тысяч. Отлично, лорд Вар¹.

Я остановил на нем свой взгляд. Мужчина казался в высшей степени обыкновенным — среднего роста и веса, с приятной глазу, но ничем не примечательной внешностью, в стильной, но не экстравагантной одежде. Его, черноволосого и смуглого, можно было бы принять за типичного куурца, живущего к западу от Драконьих Башен, если бы не высокие сапоги из жесткой кожи, которые предпочитают жители востока. Он из Джората, а может, из Йора. Кроме того, на нем была рубашка в маракорском стиле, а не замитонская миша и не усиги.

Меча и любого другого оружия я у него не увидел.

Лорд Вар выделялся лишь своей уверенностью и горделивой осанкой — а также тем, что аукционист его знал. Я, похоже, Вара не интересовал: едва взглянув на меня, он сосредоточил все свое внимание на аукционисте. С тем же успехом он мог торговаться и за набор оловянных тарелок.

Я посмотрел на него пристальнее. Никакой защиты, ни скрытой, ни явной — нет даже кинжала в одном из кожаных сапог. Однако он сидел в самом первом ряду, и никто к нему не приближался — несмотря на то, что в толпе работало изрядное число карманников.

Даже я, никогда не бывавший в Кишна-Фарриге, понимал, что только глупец придет на такой аукцион без телохранителей.

Я мотнул головой. Мне было сложно сосредоточиться — мешал шум, сверкающие огни и накатывавшие на меня волны холода, связанные, как я предполагал, с лихорадкой. Один из порезов на моем теле воспалился. С этим что-то нужно делать, иначе я стану самым дорогим пресс-папье для какого-то несчастного простака.

¹ Нет никаких доказательств того, что Релос Вар имеет право на благородный титул или рыцарское звание. С другой стороны, в документах его имя практически не встречается. Самое раннее упоминание о нем я обнаружил в книге Килмара Шаллрина «История завоевания Раэваны»: в ней оно появляется только один раз. Поскольку книга опубликована пятьсот лет назад, мысль о том, что это — тот же самый человек, пугает.